

НОВИКОВА-СТРОГАНОВА О ГОГОЛЕ

Борис Ихлов

В начале года вышла в свет статейка некоей Аллы Новиковой-Строгановой о Гоголе.

Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей РФ, историк литературы.

В девичестве Быкова. Такого человека с фамилией Новиков-Строганов поисковик не знает.

Кандидатскую защитила в 1993-м, когда власти начали нагнетать религию, а диссертации уже были обесценены, тем более, по гуманитарным специальностям. Докторскую защитила в 2003-м. Легко и просто защищать диссертации в эпоху, когда власти из кожи вон лезут, чтобы представить то Достоевского, то физиолога Павлова глубоко верующими. В университетах понатыкали кафедры теологии, а ведь это бюджетные деньги, это налоги с населения. И на эти деньги обскуранты и мракобесы пропагандируют смирение: не противься. Не бастуй, не перекрывай магистрали. В православные умудрились записать даже Сталина – как же, семинарист-недоучка, да еще обращение «братья и сестры». Поместить в палату религиозных Гоголя – сам бог велел.

Казалось бы, что тут особенного, ведь Гоголь действительно был верующим. Гоголь неоднократно посещал Оптиную пустынь, «духовно общался» со старцем Макарием и собирался в Иерусалим.

Предсмертная запись Гоголя будто бы свидетельствует о глубокой вере: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» В пьесе «Развязка „Ревизора“» Гоголь не оставляет сомнений: «... страшен тот ревизор, который ждёт нас у дверей гроба». Но В. А. Воропаев считает, что гробовой ревизор у Гоголя не архангел, а совесть.

«Трагедия Гоголя была в том, что он никогда не мог увидеть и изобразить человеческий образ, образ Божий в человеке. И это его очень мучило. У него было сильное чувство демонических и магических сил. Гоголь наиболее романтик из русских писателей, близкий к Гофману. У него совсем нет психологии, нет живых душ. О Гоголе было сказано, что он видит мир *sub specie mortis* (лат. с точки зрения смерти). Он сознавался, что у него нет любви к людям. Он был христианин, переживавший свое христианство страстно и трагически. Но он исповедывал религию страха и возмездия. В его духовном типе было что-то не русское», - пишет Бердяев.

В начале 1847 года вышла в свет написанная в жанре исповеди книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Павел Анненков указывает на перелом, подчеркивает разницу между молодым Гоголем и Гоголем, издавшим книгу, с его точки зрения Гоголь приобрел нравственные черты, выработанные позднее.

Перелом видит и Белинский, он возмущенно пишет Гоголю:

«Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издали видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть... Поэтому Вы не заметили, что Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр - не человек... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. ...»

25 лет «Письмо к Гоголю» было запрещено к печати в России и лишь тайно распространялось рукописях. Впервые напечатано Герценом в Лондоне в «Полярной звезде».

Гоголь отвечает, что Белинский по причине рассерженности не понял его книги.

Лев Толстой первоначально назвал Гоголя дрянью, затем пришел в восторг от книги «русского Паскаля».

Что ж такого содержится в этой книге, что заставило Белинского возмутиться, других же – умилиться стремлением Гоголя направить русскую литературу по религиозному пути, третьих – восхититься мастерством художника?

«Множество выражений типа «помолитесь», «храни вас бог», «милостью божию» и т.п.

Не избежал Гоголь и нелепого резонерства: «Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит».

Рассуждает о женщине: «Не болтайте со светом о том, о чем он болтает; заставьте его говорить о том, о чем вы говорите».

О значении болезней: «Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен». Особенно чуму.

О том, что такое слово: «Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!... «Наложи дверь и замки на уста твои, – говорит Иисус Сирах...»»

О пожертвовании в пользу бедных.

Отдельно об «Одиссее»: «Греческое многобожие не соблазнит нашего народа... Народ смекнет, почему та же верховная сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, несмотря на то, что он, по невежеству, взывал к ней в образе Посейдонов, Кронионов, Гефестов, Гелиосов, Киприд и всей вереницы, которую наплело играющее воображение греков. Словом, многобожие оставит он в сторону, а извлечет из «Одиссеи» то, что ему следует из нее извлечь, – то, что ощутительно в ней видимо всем, что легло в дух ее содержания и для чего написана сама «Одиссея», то есть, что человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, – для того и жизнь дана человеку, – что ни в каком случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, не подозревая сам, что таковым внутренним обращением к самому себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге».

Еще – о «глубоким ведении государственным, знании трудной науки править людьми и властвовать ими». Но это не всё!

«Это строгое почитание обычаев, это благоговейное уважение власти и начальников, несмотря на ограниченные пределы самой власти, эта девственная стыдливость юношей, эта благость и благодушное безгневие старцев, это радушное гостеприимство, это уважение и почти благоговение к человеку, как представителю образа Божия, это верование, что ни одна благая мысль не зарождается в голове его без верховной воли высшего нас существа и что ничего не может он сделать своими собственными силами, словом – все, всякая малейшая черта в «Одиссее» говорит о внутреннем желании поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу законодательства в то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядков...»

Словом, читайте русскую, в переводе Жуковского, «Одиссею», наслаждайтесь и воспарите.

Далее Гоголь хвалит православную церковь, призывает к вере и ругает католическую церковь. «Нужно, чтобы... слышал в это время человек... присутствие Самого Бога... и слышался бы обоюдный страх от Его незримого присутствия».

Насчет отсутствия учредителей порядков в эпоху Гомера Гоголь хватил, но... что ж тут особо понимать? Тут все понятно. Напрасно Гоголь считал, что Белинский хоть что-то упустил.

Россия, согласно Гоголю, сильнее других слышит Божью руку на всем, «без любви к Богу никому не спастись» и т.д. «В русском человеке, – учит нас Гоголь, – есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья».

Нападает неявно – как без этого! – на науку: «Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, – гордость ума». Гордецы не берут в толк, что христианская нравственность – впереди ума.

«Но перейдем, – пишет Гоголь, – к другому предмету, где также слышится у наших поэтов тот высокий лиризм, о котором идет речь, то есть – любви к царю... Поэты наши прозревали значение высшее монарха» и т.п. И Пушкин должен благоговейно поклониться. Гоголь уверен, что Пушкин – православен и царепоклонник, утверждавший, что поэт рожден для молитв.

Что ж тут особенно не понимать? И тут всё понятно!

Гоголь добавляет наставления помещику, генерал-губернатору...

Книга не имеет никакого отношения к художественной литературе, сравнивают ее с «Исповедью» Руссо совершенно напрасно. Не имеет она отношения и к философскому дискурсу, ибо дискурс предполагает умозаключение, размышление. Но ничего подобного в книге нет, она вся состоит из резонерства, вся она – свод наставлений, увещаний, правил, советов и упований на бога.

Цензурой пять писем-статей были исключены вовсе, в других сделаны купюры и исправлены отдельные места. Вердикт, вынесенный духовным цензором, гласил: «Не может быть напечатано, потому что понятия о Церкви Русской и духовенстве конфузны. Цензор протоиерей Тимофей Никольский. Окт. 1-го 1846 года».

Но не придадим этому значения: мы видели и поняли, ЧТО хотел сказать Гоголь.

Безусловно, Гоголь религиозен. И слаб: «Душа моя изнемогла бы от множества упреков...»

Безусловно, в сознании писателя совершился перелом, и причина его – религия.

Только великий писатель Гоголь – не религиозен. И мы это увидим.

Вот что пишет доктор наук Новикова-Строганова, читаем.

«210-летний юбилей Гоголя с новой остротой ставит вопрос об изучении его творческого наследия в свете христианского идеала. Подобно пушкинскому пророку, Гоголь, «духовной жаждою томим», искал пути к её утолению, духом припадая к животворному источнику – Евангелию».

Новикова передергивает. «Духовной жаждою томим» - вовсе не о религии, а о поэзии. Стихотворение написано Пушкиным в 1826 году, под впечатлением казни его друзей, декабристов. Духовная жажда обращена отнюдь не к богу, а к тому, чтобы поэзией, «глаголом жечь сердца людей».

Далее: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», – утверждал великий русский писатель. Призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства, Гоголь пророчески утверждал: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие.»

Простите, а в чем пророчество? Исходом из «нынешнего положения» стала Октябрьская революция. А возврат к «нынешнему» положению произошел как раз тогда, когда начали нагнетать Евангелие, а экономика обрушилась вдвое, резко подскочила смертность и общество сверху донизу охватила коррупция.

«По справедливому суждению, - без ложной скромности уверяет Новикова, - «гений Гоголя до сих пор остаётся неизвестным в желаемой полноте». Прикоснуться к тайне гения, духовной стороне его жизни и творчества помогает «апокрифический рассказ» Лескова о Гоголе «Путимец». Истинный художник-христианин Лесков – наиболее близок Гоголю по духу – также постоянно говорил о важности Евангелия, в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни», и горячо ратовал за восстановление «духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя». Рассказ «Путимец» художественно воссоздаёт облик молодого Гоголя-лицеиста, обнаруживая напряжённую внутреннюю жизнь будущего писателя, его пророческий дар, замечательную способность с первого взгляда постигать характер и саму сущность человека, воздействовать, словом, на самые глубокие струны человеческой души».

Оставим в стороне отштампованность стиля: «напряжённая внутренняя жизнь», «постигать характер и сущность человека», «воссоздаёт облик» и т.д.

В рассказе «Путимец» Лесков пишет, что много малороссов не терпели кацапов, но Гоголь этого не разделял и любил русскую удаль. Дальше идет спор между Гоголем и его спутником, Чернышом:

— Кацапы, — проповедовал Гоголь, — такой народ...

— Душевредный! — перебивал Черныш.

— Нет, не душевредный, а совсем напротив.

— Надувалы и прихлебалы.

А какие замечательные у русских сказки, говорит Гоголь. Так «сказки на то и называются сказками, чтобы им умные люди не верили», возражает ему Черныш. А дальше Гоголь отмечает изумительную штуку:

«... если уже ты такой умный человек, что тебе сказки не по плечу, то читай книги божественные и там то же самое увидишь.

— Какие это именно книги, и что там о твоих кацапах сказано?

— Читай, что писано в «Житиях» о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник...»

То есть: Гоголь указывает на лицемерие писаний! Правда, сам он не хочет этого видеть, ему дороже мир иллюзий: «Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!»

Гоголь желал, чтобы герой рассказа Путимец перестал быть жадным, раскаялся. И вот тут у Гоголя – детская наивность, что этого можно достичь каким-то великим доказательством, формулой, примером, даже молитвой. Та же наивность - у графа Толстого, который думал, что если не есть мяса, а кушать молочную кашу, изменится природа человека. Буржуазная природа, с жадностью, стяжательством, обманом, когда человек человеку волк.

Почитайте, любопытный рассказец.

Но... что ж тут было постигать Гоголю. Путимец – прост, весь на виду. И как же Гоголь воздействует на «самые глубокие струны человеческой души»? Путимец содрал с путников рубль за две кринки молока: подождал, пока те выпьют, а уж потом назначил дикую цену. Гоголь похвалил Путимца за щедрость, соврал ему, что другие берут больше. Путимец повторил свой прием с двумя офицерами, причем назначил еще большую цену, а те за такую шутку его избили, серьгу из уха выдрали и кринку о его голову разбили. Соображает ли Новикова, что пишет?

Кроме того. Да, в рассказе Гоголь говорит о святых писаниях, но постижение человека – не есть задача религиозного человека, его задача – служение боженьке.

Затем Новикова эклектически привязывает текст «Путимца» к Евангелию.

«Художественный образ Гоголя, как литературного персонажа соотносится с духовным обликом Гоголя как реальной личности. Лесковский текст предоставляет широкие возможности сцепления с литературно-публицистическим, эпистолярным гоголевским наследием, позволяет восстановить синхронный литературный контекст и его сокровенную сущность – контекст евангельский, который определяет смысл заглавия рассказа «Путимец». Концепт «Путь» в его высоком новозаветном значении: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6) – становится сверхсмыслом и идейно-художественным центром произведения. Кульминация рассказа – духовное обновление человека на пути к Богу. В подтексте задан христианский вектор: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовётся путём святым <...> идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35:8). Это магистральное направление, указанное в Библии, отразилось и в русских народных пословицах: «За Богом пойдёшь, добрый путь найдёшь», «Бог пути кажет», «Нужный путь Бог правит», «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь». Молодой Гоголь с первых страниц повествования – в пути – в прямом и метафорическом смысле. В этом плане он тоже «путимец». Образ вечного путника, каким видел себя писатель, хранит вся его переписка – от раннего возраста до зрелости. Будучи юношей, в 1827-м он писал своему другу Г.И. Высоцкому: «в глубоком раздумье стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее». «От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду <...> совершилось всё это не без воли Божией», – признавался Гоголь 20 лет спустя – в январе 1847 г. – С.Т. Аксакову».

Что ж... путь Путимца был таков: став совсем старым, Путимец удалился в монастырь. Вот решение проблемы! Дорогие друзья, идите вы все по святому пути, идите, идите и идите...

Причем Лесков выписывает совершенную дикость: люди верят, что Путимец уж более никогда не спал. И, чтоб не спать, окружал себя острыми крючьями. Зачем?? Вот это вот и есть обновление? И если юный Гоголь - тоже Путимец, стало быть, он в детстве был крайне жадным.

И откуда Новикова выкопала у русского народа такие благостные пословицы. Только она почему-то одни пословицы исковеркала в духе современной варварской эпохи, другие пословицы позабыла:

- Паши не для Иисуса, а ради хлеба куса.

- За деньги и бога можно купить.

- Где страх, там и бог.

- Взять боженьку за ноженьку, да и об пол.

- Бог да поп тогда хорош, пока разум плох, а с ясным умом и без них проживём.

- Бог пристанет - и попа приставит.

- Пост не мост, можно и объехать.
- Свой вертеп лучше Синайской горы (т.е. свой кабак для русского мужика ценнее горы, где Моисей беседовал с богом)
- Сквородный звон лучше колокольного.
- Бог беззубому дает орехи.
- Бога просить - что решетом воду носить.
- Бог поберег и вдоль и поперек.
- Среда да пятница в доме не указчица.
- Старичок Сергеюшка в шелк-бархат всю братию одел (пословица говорит о Троице – Сергиевой лавре).
- Зачал говеть, да стало брюхо болеть.
- Что богу дали, то, считай, потеряли.
- За богом пойдёшь - ничего не найдёшь.

У доктора филологический наук еще и ошибка: после слов «художественный образ Гоголя» - лишняя запятая.

«В лесковском рассказе, - сообщает Новикова, - Гоголь горячо выступает в защиту русского человека, «русской удали», отрицает националистическую узость, не разделяет «крайностей малороссийской нетерпимости» к «кацапам». Заведя беседу «о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и весёлом», герой рассказа восклицает: «великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь – и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. “Душа нараспашку...”»

Каким местом читала Новикова рассказ Лескова? Ведь похвальбы Гоголя в адрес русских наталкиваются на суровую реальность, ибо жадный Путимец – кацап.

И Гоголь «обобщает» Путимца на всех русских:

- Что тебе, жаль его, что ли? — осведомился Черныш.
- Да, жаль, — отвечал Гоголь и, «размахнув руками, як крыльями, навкруг во вси стороны», добавил:
- понимаешь... мне жаль всех их... всех... Они все так... сами себя выбьют.
- То есть — эта вся кацапузия сама себя прибьет?
- Да, да...

А ведь Новикова с отличием закончила университет в Орле. Как же это плохонько ее обучали, в советском-то вузе.

Фома Аквинский полагал, что науки должны прислуживать религии. Ныне под эту формулу попала и великая русская безбожная литература.

«В «Авторской исповеди», - пишет Новикова, - Гоголь подробно объяснял: для постижения русской природы, чтобы уяснить «себе самому определенительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши <...>, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще»; «занятием моим стал <...> человек и душа человека вообще». Стремление к познанию человеческой души привело Гоголя к самопознанию и Богопознанию: «О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнёшь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой». Неизбежное следствие самопознания – самовоспитание: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей». Писатель указывает путь к уяснению сложных духовных вопросов: «Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдёшь, тогда этим же ключом отопрёшь души всех»; необходимо «покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего». Основополагающий «ключ всего» Гоголь нашёл в Боге: «Всё, где только выражалось познание людей, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришёл ко Христу, увидевши, что в Нём ключ к душе человека и что ещё никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он». Исследуя и изображая жизнь, писатель «не совращался с своего пути» и закономерно «пришёл к Тому, Кто есть источник жизни <...>, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу». Гоголь размышлял о действии Высшего Промысла в его писательской судьбе: «были такие обстоятельства, <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека»; «крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведён я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют её высшие степени и явления». Обострённое стремление разгадать человека владело Гоголем сызмальства: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его»; «жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей

юности»; «прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой».

Однако – что ж за уловление души в малейших чертах мы видим, например, в «Ревизоре» или Мертвых душах»? Гоголь здесь рисует не столько душевные переливы, сколько существо российской монархии, которая хоть и «вдохновенная Богом», но на излете феодализма Русь-тройка везет мошенника, а правит ей пьяный Ель... простите, кучер.

В «Мертвых душах» - пещерные нравы российской элиты, о народных низах Гоголь замечает, что «крестьянин крестится, почесывая залатанный зад».

А какие тончайшие движения души в «Тарасе Бульбе». Отец и сын встречаются после долгой разлуки и начинают друг друга мутузить. Затем, после традиционного пьяного загула, хочется поехать в «Натолию», дабы поубивать от души и пограбить. Тут уж Гоголь не «отрицает националистическую узость», тут он и татар, и евреев приложил. Правда, за дело: первых – за набеги, вторых, как и Маркс – за торгашество.

«Историю раннего духовного и идейно-эстетического развития писателя подтверждает его эпистолярное наследие, - ничтоже сумняшеся толкует Новикова. - Уже в первых письмах из Нежинской гимназии, адресованных «дражайшим папеньке и маменьке», 15-летний Гоголь осознаёт себя взрослым и ответственным человеком: «Как будто бы ещё о сю пору я ещё ребёнок и ещё не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положить», - с укором обращался он к родителям, угадав их желание оградить сына от тревог. «Но как много ещё и от меня закрыто тайною, и я с нетерпением желаю вздрёрнуть таинственный покров», - писал он матери в первые дни пребывания в Петербурге. Впоследствии автор «Ревизора» и «Мёртвых душ» в письме С.Т. Аксакову признавался: «внутренно я не изменялся в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатался и не колебался никогда во мнениях главных <...> шёл далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне <...> И теперь я могу сказать, что в существе своём всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого, мешавшего мне на моём пути». Таким образом, Лесков – автор «апокрифического рассказа о Гоголе» – несколько не погрешил против истины, отмечая в личности своего юного героя черты прозорливого и вдумчивого «душеведа»-христианина, который выражал горячее убеждение в способности падшей человеческой природы к быстрому духовно-нравственному возрождению: «всё, что тебе ещё угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь – как он уже и перекинется, – и пречудесный».

Мы видели выше – да, Лесков не погрешил против истины, только Новикова вывернула эту истину наизнанку.

«... Гоголь – чешет Новикова, - ... признавался, что «наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника». Это духовное самообразование, согласно гоголевской исповеди, было предопределено «желанием совершенства, если сходил за тем Сын Божий, чтобы сказать нам всем: “Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный”».

Новикова – профессор... где? В семинарии?

Действительно: если задумал Всемирный Потоп – не останавливайся, хочешь перерезать египетских младенцев – не совестись. Совершенный человек! Вот цель. В совершенном человеке всё совершенно: нос, череп, кровь. Однако главное – чистые помыслы: не возжелай жену ближнего своего, которая давно разлюбила мужа, не убий фашиста, не прелюбодействуй, дабы человечество осталось без детей, не укради веревку у стремящегося повеситься...

«Указанному в Евангелии пути, - проповедует Новикова, - совершенствования нет конца, не поставлено никаких пределов, - постановляет Новикова. - Поэтому писатель не вправе быть скорым на обвинения несовершенному человеку. Гоголь размышляет: «Не мешало бы подумать <...>: “Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека – кладезь, не для всех доступный иногда <...> Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мёртвый труп”». Отсюда – осознание величайшей ответственности за неспростное, учительное слово в полном соответствии с поучением Христа: «за всякое протворное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (12: 35–36). Слово, обладающее жизнестроительной силой, включается в евангельский контекст: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и

истины» (Ин. 1: 14). Сакральное Слово: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1) – соотносится с творящим словом вообще, которое есть дар Святого Духа: «Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12: 12)».

То есть: Новикова берет слова Гоголя и приклеивает к ним фразочку из святого писания. Вот метод! Перевел старушку через дорогу – тут же подскакивает Новикова и кричит: «Это так Христос завещал!»

«Гоголь-писатель, - жлет (мы увидим) Новикова, - обострённо ощущал священную сущность слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято <...> словесное поприще есть тоже служба». Слово имеет разительную силу, обладает действенной духовной энергией. Оно способно изменить устремления души и саму судьбу человека. Просвещённый Божественным откровением ум Гоголя впоследствии привёл его к основным писательским установкам: «Опасно шутить писателю со словом»; «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними»; «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Эти афористически выраженные христианские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гнилое слово о гнилых предметах. Уже с юности Гоголь почти неземной: «душа моя хочет вырваться из тесной своей обители». Он жалуется на «существователей», которые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека». Ему чужда мысль, «как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире»; претят «мошенники», которые «дерут предорого и ни на грош не приносят пользы». Подлинное глубокое выражение внутренней жизни молодого Гоголя находим в примечательном письме из Нежина 1.3.1828. Гоголь пишет матери, что претерпел «столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч.», и признаётся: «Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя <...>. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми <...> Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодеяниями, потому что зло их мне обратилось в добро».

Новикова путает дар божий с яичницей. Одно дело, если Гоголь хочет, чтобы душа вырвалась из своей тесной *телесной* оболочки, т.е. хочет побыстрее склеить лапы. Другое дело, что ему досаждают мир мошенников. Но критика мошенничества вовсе не означает что-то неземное!

И... то ли Гоголь стремился всё же достать этих проклятых денег, то ли ему вообще денег не надо, чужда ему даже сама мысль о пропитании.

Особенно трогательна вера Гоголя, что причиненное ему зло оборотится добром.

Годы прошли. Зло добром не оборотилось...

«Жертвенный путь, - жлет далее Новикова, - с ранних лет привлекал Гоголя: «даже в детстве, даже во время школьного учения <...> мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование». Стезя великого русского писателя, обрётшего себя «на нищенскую и скитающуюся жизнь», – это аскетический путь бесприютного странника. «Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь», – говорил Гоголь».

Гоголь - дворянского происхождения. В гимназии был откровенным лодырем. Отказался от доли в наследстве в пользу сестер, мать отдавала последнее на его жизнь в Петербурге.

«В конце 1829 г. Гоголь поступил помощником столоначальника 1-го стола 2-го отделения департамента уделов Министерства уделов, при этом был пожалован самым младшим чином по Табели о рангах — коллежского регистратора; прослужил полтора года. Чиновником он был плохим», - отмечает Википедия. - Раем ему представлялась Америка, но вместо нее он попал на службу в охранку, в 3-е отделение, благодаря протекции знакомого стукача Фаддея Булгарина. Через год уволился, пару лет провел в департаменте уделов. По протекции профессора Плетнева в 1834 году его назначили на должность адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете. Несколько раз ему удалось прочесть эффектные лекции, но затем задача оказалась ему не по силам, и он сам отказался от профессуры - в 1835 году.

Его много издавали, ставили его пьесы, в 1836-м он уехал за границу, где пробыл с перерывами около десяти лет...

Словом, говорить о жертвенном пути Гоголя, мягко говоря, не приходится. Ну, а трудности, тяжелые дни – у кого их нет.

«Религиозные искания, - продолжает Новикова, - на пути духовного освобождения в последние годы жизни писателя вызвали в нём острое «томление духа». Духовная жажда утоляется во Христе, в праведной жизни по Его заповедям: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берёт воду жизни даром» (Отк. 22:17); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). Беседа у колодца с самарянкой, Иисус возвестил: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 13–14). Мысль о монашестве не оставляла Гоголя: «Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живёт он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом». Это образное сравнение, подчёркивающее духовную высоту писательского труда, «художнически-монастырской работы», постепенно перерастает в убеждение: «нет выше удела на свете, как званье монаха». В письмах Гоголь признаётся, что больше годится «для монастыря, чем для жизни светской». Укреплению православного идеала способствовало глубокое вхождение писателя в молитвенный духовный опыт, обращение к святоотеческому наследию. Так, Гоголь просил прислать ему в Рим «молитвенник самый пространный, где бы находились все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками». Писатель по-монашески «келейно» штудировал труды Святых отцов, делал выписки из богослужебных книг, создавал собственную духовную прозу. На сохранившемся в Оптиной пустыни первом томе «Мёртвых душ» автор отметил: «Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников». Писатель много и усердно молился: «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело», – писал он накануне паломнической поездки по Святым местам. В предсмертных записях Гоголь оставил истинно пасхальный завет воскресения «мёртвых душ»: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник». Гоголь горячо ратовал за восстановление образа Божьего в «пошлом», «холодном, раздробленном, повседневном характере» человека, опутанного «всей страшной, потрясающей тиной мелочей». Эта задача остаётся не менее плодотворной и сейчас, ибо «цели христианства вечны».

Новикова лжет и лжет без стеснения.

Летом 1845 г., пишет Википедия, Гоголь, не обладавший крепким здоровьем, заболевает, пишет завещание, сжигает рукопись 2-го тома «Мёртвых душ». В ознаменование избавления от смерти решает уйти в монастырь и стать монахом, но монашество не состоялось. Зато его уму представилось новое содержание книги, просветлённое и очищенное; ему казалось, что он понял, как надо писать, чтобы «устремить всё общество к прекрасному». И вот только тогда Гоголь решает служить богу на поприще литературы. Он пишет книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». То есть, под конец жизни Гоголь нравственно деградирует.

Книга с треском провалилась, Белинский отправил ему письмо, где без всяких околичностей писал: «... нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей... русский человек произносит имя Божие, почёсывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ... великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое, как будто в зеркале, с является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!*...»

Гоголь переживал... Съездил в Иерусалим, к тому, что называют «гроб господень», но совершенно никак не впечатлился. Наконец, бросил литературу и стал говеть на масленице.

Но если б Новикова попыталась мыслить шире, она бы вспомнила, что великий писатель Гоголь ни словечка не сказал о боге в своих шедеврах. Молитвы господу не спасают Хому Брута от Вия, кузнец акула не крестится, не читает молитву, не просит защиты у бога от черта, он хватает черта за хвост. Она бы указала, что Гоголь и Пушкин были дружны, именно Пушкин подбросил писателю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». А Пушкин написал не только богохульную «Гаврииладу», но и следующее четверостишие (не устаю его повторять):

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.